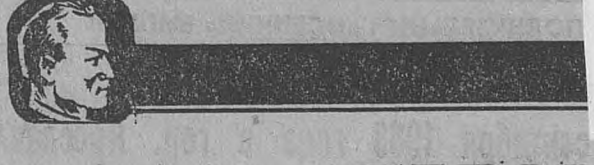
СОВЕТСКИЙ ТАТАРИЯ
г. КАЗАНЬ

2 октября 1983 года



«...ПЕРОМ БЫСТРЫМ, ЖИВОПИСНЫМ И ПЛАМЕННЫМ»

О литературном наследии Н. А. Дуровой

Современникам Н. А. Дурова была известна не только воинской доблестью, но и литературным талантом. На поприще словесности она вступила в 1836 году, опубликовав свои «Записки», где рассказала о детстве, пути в армию, о славных событиях 1812 года.

«Записки» Дуровой заслужили высокий отзыв В. Г. Белинского. Он писал: «И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этой живописной увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то открытою мыслию».

Литературные достоинства «Записок» так несомненны, что некоторые действительно приняли их за мистификацию со стороны Пушкина. Тем более, что он и вправду был причастен к появлению первого произведения Дуровой, ибо именно с его благословения, ободрения начался путь Дуровой-писательницы.

Произошло это следующим образом. В августе 1835 года Пушкин получил письмо из Елабуги. Характер и стиль письма выдавали человека умного, бывалого и решительного. В этом письме Александр Андреевич Дуров (любопытно, что в письмах Дурова пишет о себе в мужском роде, а «Записки» ведет от лица женщины) предлагал Пушкину купить его записки. Свое обращение именно к Пушкину Дуров мотивировал еще и тем, что «прекрасное перо поэта может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественников, тем более, что предисловие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления». Пушкин согласился с предложением автора письма.

В своем журнале «Современник» (1836, № 2) он опубликовал отрывки из записок «кавалерист-девицы». В предисловии к ним Пушкин писал: «С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным».

«...Прелесть! Живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен», — писал великий поэт по поводу ее «Записок».

Помимо всего в этом предисловии Пушкин раскрыл подлинное имя автора, что очень огорчило писательницу. И она тотчас написала ему: «Имя, которым Вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в Вашем предисловии, не дает мне покоя! Нет ли средства помочь этому горю?» Далее она предлагала остановить издание, а напечатать все записки вместе и назвать их «Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова». Поэт не согласился с Дуровой и в ответ писал: «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы, «Записки Н. А. Дуровой» — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся». В свет «Записки» вышли в 1836 году под названием «Кавалерист - девица. Происшествие в России» и привлекли к себе внимание всей читающей публики.

Но вряд ли можно было говорить всерьез о Дуровой-писательнице, если бы ее творчество было ограничено мемуарными записками. Она действительно имела призвание к литературной деятельности, именно поэтому затем ею были написаны рассказы, повести, романы. Н. А. Дуровой нельзя отказать в литературной эрудиции, знании истории, мифологии, русской и зарубежной литературы, украинского, польского, французского языков.

Наиболее плодотворным оказался для писательницы 1839 год. Тогда были написаны основные произведения «Два слова из житейского словаря: Вал. Воспоминания», «Серный ключ», крупнейшее произведение — «Гудишки», роман в 4-х частях, также было опубликовано в этом году. О нем положительно отозвался журнал «Библиотека для чтения»: «Действие происходит в Литве, которой нравы сочинительница так хорошо знает и так прелестно описывает. Рассказ вообще быстр и увлекателен. «Гудишки», как они есть, читаются с удовольствием». Основой романа послужила новелла под тем же названием, помещенная в «Добавлении» и «Кавалерист-девице». Однажды Дуровой было поручено отвезти приказ к командиру взвода в селение Гудишки. Она выехала уже вечером. Но найти командира взвода оказалось не так просто, так как в округе было 12 селений с названием «Гудишки». В новелле описываются ночные приключения посланного. Разумеется, содержание романа неизмеримо шире.

Несомненными литературными достоинствами отмечена ее повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». Примечательно это произведение во многих отношениях. В его основу положены, как обычно, собственные наблюдения автора. В данном случае наблюдения над жизнью петербургского общества, моральную фальшь и ложь которого разоблачает писательница с большой силой.

«Девицу-кавалериста» принимают во многих домах, ее зазывают в гости, подают экипажи, вспоминая о ее героическом прошлом и интересуясь настоящим: еще бы, женщина в черном сюртуке, в серых с лампасами брюках, с орденом в петлице — как это необычно!

Но экзотический интерес как хозяев, так и их гостей, которых зазывали посмотреть на Александрова—Дурову, пропадал после первого же ее визита. Во второй раз появление Дуровой уже не вызывало эмоций, а третье посещение чаще всего было просто нежелательно.

Вот почему она вдруг почувствовала себя одинокой в этом большом городе, ее поразило то, насколько порочен и низок так называемый «высший свет».

Хорошо зная жизнь, быт народностей, населявших Прикамье, Дурова нередко в своем творчестве рассказывает и о них. Так, повесть «Серный ключ», построенная как рассказ о рассказе, сочувственно рисует дикое прошлое черемисского (марийского) народа. Органично в произведения писательницы вписывались татарские, башкирские легенды и предания.

Две такие романтические, с некоторым налетом сентиментальности легенды, проникнутые живой, неподдельной любовью к человеку, изложены в «Записках ...» под названием «Рассказ татарина» и в повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь». В первой, изложенной в протяжной и грустной песне ямщика, повествуется о трагической любви двух молодых людей — Хамитуллы и Зугры, которые вопреки воле родителей соединили свои сердца, за что и были наказаны, во второй — о страстной всепоглощающей, но также с трагической развязкой любви князя-татарина к русской женщине Елене. В них, несомненно, симпатия автора на стороне обездоленных людей, о чем красноречиво говорит завершающий первую легенду отрывок: «Волок, дремучий волок, в твоей-то чаще непроходимой, жилище лютых зверей, горела любовь, какой нельзя выразить словами! Хамитуллы уже давно нет, но еще раздается звук имени его в тех местах, где он был так счастлив. Где он любил и был любим беспримерно! Сколько раз эхо этого леса повторяло имя его, произнесенное то шепотом любви, то грозным голосом ямщика, то, наконец, заунывным пением молодой татарки, бедной осиротевшей Зугры!..»

В 1840 году Дурова выпустила три новые повести: «Угол», «Ярчук, собака-духовидец», «Клад». Белинский отметил их появление, увидев в них хороший слог и занимательность повествования, но тем не менее они были слабее предыдущих произведений. Особенно суров критик был ко второй повести, упрекая автора в растянутости, многословии, путанице разных невероятностей...

После издания этих повестей Дурова отказалась от литературной деятельности. В течение двадцати шести последующих лет она не написала почти ничего. Может быть, здесь сказалось отсутствие ярких впечатлений, может, подействовала резкая критика Белинского. Сама Дурова на вопрос, отчего она больше не пишет, отвечала так: «Оттого, что мне теперь не написать так, как я писала прежде, а с чем-нибудь явиться в свет не хочется».

Так закончился литературный путь Дуровой. Несмотря на его непродолжительность, неровность, ее творчество в целом представляет значительное явление русской прозы 30-х годов.

К сожалению, до сих пор не перевелись еще скептики, которые полагают, что-де Надежда Дурова — отменный ординарец и кавалерист-девица, удостоенная чести быть главной героиней фильма «Гусарская баллада», — и только после этого — писательница. Эти рассуждения, не опирающиеся на факты творческого наследия Дуровой, свидетельствуют лишь о том, что в свое время ее необычная биография затмила созданное ее пером, и ее творчество долгое время оставалось в забвении.

Исследования последних лет и наши наблюдения показывают, что творчество Дуровой — яркая страница в литературе той эпохи прекрасно вписывается в просветительский реализм своими глубокими философскими размышлениями о жизни, человеческом бытие.

Т. ГАЛИУЛЛИН.
Ректор Елабужского государственного пединститута.

• • •

В Елабуге — праздник. Жители старинного города, гости из Москвы, Казани, других городов в эти дни отмечают 200-летие со дня рождения Н. А. Дуровой.

Здесь, в уютном городке на берегу живописной Камы, прошли последние годы жизни Надежды Андреевны, здесь в полную силу раскрылся творческий дар ее как писателя. В скромный, неприметный домик, в котором она жила в те далекие от нас годы, потоком шли письма от верных соратников, от великого поэта А. С. Пушкина.

Потомки свято чтут подвиг великой женщины России, помнят и хранят все памятные штрихи удивительной жизни.

Совет Министров РСФСР принял постановление об открытии музея в доме, где провела последние годы жизни Н. А. Дурова.

Решением Совета Министров ТАССР улица Садовая города Елабуги переименована в улицу Н. А. Дуровой.

В Елабуге состоялся торжественный митинг по случаю открытия мемориальной доски на стене дома, где проживала Н. А. Дурова. В Доме техники состоялось торжественное собрание. С докладом «Н. А. Дурова — писатель, воин, патриот» выступил ректор Елабужского государственного пединститута, доктор филологических наук Т. И. Галиуллин. Участникам собрания была показана литературно-музыкальная композиция, подготовленная силами Татгосфилармонии.

В мероприятиях, посвященных 200-летию со дня рождения Н. А. Дуровой, приняли участие министр культуры ТАССР И. Н. Алеев, секретарь правления Союза писателей РСФСР А. И. Волков, писатели, поэты Москвы и Татарии, партийные, советские и комсомольские работники.

• • •

На снимке: **«Надежда Андреевна Дурова (Александров), герой Отечественной войны 1812 года». Скульптура Ф. Ляха.**